

Ло Цинь, стоявший рядом с Дуань Минчэнем, фыркнул: «Мы покинули город по служебным делам. Дело связано с государственной тайной, господину Гу лучше не расспрашивать».

Гу Хуайцин, презрительно приподняв бровь, усмехнулся: «Не пугайте меня тайнами! Разве выехали вы не для поимки Сянъе Сюнфэя?»

Ло Цинь, видя, что скрыть не удастся, прямо признался: «А если так? Господин Гу намерен нам помешать?»

«В тот день в Золотом Зале Его Величество лично повелел Восточной Ограде и Гвардии в парчовых халатах совместно расследовать это дело и схватить убийцу. Господин Дуань, вы же там присутствовали?»

Говоря это, Гу Хуайцин искоса взглянул на Дуань Минчэня. Непонятно почему, но в его холодном, как всегда, взоре Дуань Минчэнь уловил нотку обиды. Чувство было словно из детства: он пообещал соседскому мальчишке сводить его на фонарный фестиваль, но в последний момент не смог, и тот ребёнок смотрел на него точно с таким же укором.

Дуань Минчэнь слегка кашлянул: «Я полагал, что ты в последние дни занят во дворце и не сможешь отлучиться, потому не стал тебя уведомлять. Это не было умыслом».

Услышав это, лицо Гу Хуайцина прояснилось. Он подъехал вплотную к Дуань Минчэню и сказал: «Дворцовые дела улажены. Отправляемся сейчас же!»

Дуань Минчэнь взглянул на десяток подчинённых Восточной Ограды позади Гу Хуайцина и понизил голос: «Нам необходимо скрыть свои личности. Сянъе Сюнфэй — хитрая лисица, его шпионская сеть в Великой Ци обширна. Большая группа привлечёт внимание. Если хочешь ехать, я возьму тебя, но твоих людей придётся оставить».

Гу Хуайцин заметил, что все девять гвардейцев одеты скромно, даже не в служебные халаты, — явно, чтобы не выделяться. Будучи человеком решительным, он подозвал к себе сотника из Восточной Ограды, что-то шепнул ему на ухо, и тот, забрав всех подчинённых, удалился. Остался лишь Гу Хуайцин.

«Теперь всё в порядке?» — спросил он. Тёмные глаза его сверкали, словно звёзды, улыбка расцветала, как цветок. Ночной ветер развеивал его плащ, а стройная фигура в седле казалась неземной.

Дуань Минчэнь на миг застыл. К счастью, густая ночная тьма скрыла его вспыхнувшие щёки. Маскируя смущение, он похлопал коня по шее. Верный Тёмная Туча в Снегах понял намёк, громко заржал и рванул вперёд.

Гу Хуайцин тоже пришпорил коня и, не церемонясь, обогнал Ло Циня, встав рядом с Дуань Минчэнем.

Проезжая мимо, он слегка вскинул изящный подбородок и вызывающе фыркнул.

Ло Цинь, оставшись позади, смотрел всему удаляющейся спине и пробормотал сквозь зубы: «Ирод!»

Десять человек — Дуань Минчэнь, восемь гвардейцев и Гу Хуайцин, — скрыв личности,

направились в прибрежный Минчжоу в Восточном Чжэцзяне.

Все они были искусными бойцами, кони — выносливыми скакунами. Однако от столицы до Минчжоу более двух тысяч ли. Даже такому скакуну, как Тёмная Туча в Снегах, не под силу преодолеть их без отдыха и кормления. Поэтому путники периодически останавливались, давая коням воды и травы, а себе — передышку.

Гвардейцы, обученные и дисциплинированные, везли с собой кожаные фляги, вяленую говядину и сухой паёк, притороченные к сёдлам. Дуань Минчэнь скажет «отдых» — все молча слезают, едят, восстанавливают силы. Скажет «в путь» — без лишних слов вскакивают в сёдла. Даже обычно болтливый Ло Цинь не проронил ни звука.

Гу Хуайцин впервые участвовал в задании с Гвардией в парчовых халатах. Увидев их железную дисциплину и слаженность, он проникся уважением и задумался: стоит по возвращении посоветовать приёмному отцу, Вань Чжэню, устроить подобную «трепку» и в Восточной Ограде.

Гу Хуайцин тайно восхищался гвардейцами, а те, в свою очередь, были удивлены им. Целый день трястись в седле — удовольствие сомнительное. Они, закалённые службой, давно привыкли к тяготам, и бёдра с ягодицами покрылись мозолями. Гу Хуайцин же с его нежной кожей явно был изнеженным дворцовым евнухом. Гвардейцы ждали, что он не выдержит, пожалуется или вовсе отстанет. Но, к их изумлению, он молча сносил все тяготы, не отставая ни на шаг.

К ночи группа добралась до небольшого городка. После долгой дороги все покрылись пылью. Даже щепетильный Гу Хуайцин выглядел помято: причёска растрепалась, чёрный плащ в грязных брызгах.

Люди ещё могли терпеть, но кони выбивались из сил. Впереди — больше тысячи ли. Дуань Минчэнь принял решение: «Остановимся в этом городке, найдём постоянный двор. Отдохнём ночь и двинемся на рассвете».

Городок был мал, и лучшая в нём гостиница по столичным меркам оказалась заурядной. Но для уставших путников, не смыкавших глаз больше суток, и койка казалась благом.

Хозяин, видя, что гости, хоть и одеты скромно, дышат силой, а кони у них породистые, не стал медлить. «Добро пожаловать, господа! — заулыбался он. — Перекусить или заночевать?»

«Заночуем», — ответил Дуань Минчэнь.

«Отлично! Лучшие комнаты у нас есть. Пять будет?»

Десять человек — Дуань Минчэнь, восемь гвардейцев и Гу Хуайцин — могли разместиться по двое в пяти покоях.

Дуань Минчэнь уже кивал, но Гу Хуайцин покачал головой: «Нет, нужно шесть. Мне — отдельную».

Хозяин удивился, взглянул на лицо говорившего и обомлел. Откуда здесь такой красавец?

Любитель романов о талантах и красавицах, он мигом выстроил в голове историю: знатная барышня, переодетая мужчиной, в погоне за возлюбленным. «Ах! — воскликнул он, мня себя проникательным. — Без проблем, без проблем! Для господина... отдельную комнату!»

Дуань Минчэнь взглянул на Гу Хуайцина с лёгким удивлением, но спросить не стал. Ло Цинь лишь презрительно хмыкнул.

Гу Хуайцин даже не удостоил его взглядом. Он платил сам, не обременяя других.

Ло Цинь распорядился, чтобы слуга отвёл коней в конюшню и задал корма.

В гостинице был всего один слуга, и тот ушёл с лошадьми. Потому хозяин сам взял ключи и повёл гостей в покои.

Гу Хуайцин, поразмыслив, догнал Дуань Минчэня, дёрнул за рукав и смущённо прошептал: «Я не привык делить ложе. Да и сплю плохо — храплю и пинаюсь...»

Дуань Минчэнь похлопал его по руке: «Всё в порядке, понимаю».

Гу Хуайцин покраснел, выражение его лица стало немного скованным.

Хозяин, обернувшись, как раз увидел, как они «нежно» смотрят друг на друга, а красавец алеет. Сердце его затрепетало от восторга: «Вот оно! Прекрасная дева тайно влюблена, пренебрегая условностями, следует за избранником! Какая преданность!»

Он мысленно вздохнул: с одной стороны — жалость к мужчине, столь глухому к чувствам красавицы; с другой — зависть к его удаче. Украдкой взглянув на неземную красоту Гу Хуайцина, хозяин с горечью подумал, что ему такого счастья не видать.

Распределив гостей по комнатам, Дуань Минчэнь попросил подать ужин. Хозяин, учтя усталость путников, любезно разнёс еду по покоям.

После сытной трапезы, когда время уже было позднее, хозяин принёс воды для умывания. Городок стоял в глубине материка, дождей давно не было, и вода ценилась на вес золота. Выдал он её ровно столько, чтобы умыться. Гвардейцы, люди бывалые, не стали роптать. Гу Хуайцин же достал пять лян серебра и заказал целую бочку горячей воды для ванны.

Хозяин, сжимая в руках увесистый слиток, лишь укрепился в мысли: «Не иначе знатная барышня! Иначе откуда такая привередливость и щедрость?»

Получив серебро, он стал суетиться пуще прежнего и вскоре доставил в покои Гу Хуайцина горячую воду и ванну.

<http://bllate.org/book/16283/1466852>